
Странники Духа
Зов Пайтити
Алина Каруманта
18+

Алина Каруманта

Странники Духа. Зов Пайтити

«Автор»
2026

Каруманта А.

Странники Духа. Зов Пайтити / А. Каруманта — «Автор», 2026

Иногда самый далёкий путь начинается с внутреннего зова.Книга, основанная на личном опыте.После утраты героиня решается оставить прежнюю жизнь и отправляется в путешествие, которое начинается как побег, а превращается в зов. Джунгли, древние знаки, случайные встречи и сны складываются в невидимую карту, ведущую к Пайтити — легендарному затерянному городу.Но чем дальше тропа уводит её в сердце Амазонии, тем яснее становится: это путь не только через леса, но и внутрь себя. Через страх, память, боль и пробуждение души.«Странники духа. Зов Пайтити» — атмосферный мистико-приключенческий роман о духовном поиске, знаках судьбы и внутренней трансформации.Первая книга трилогии о пути, который начинается с одного шага навстречу неизвестному.

© Каруманта А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение. 5
Глава 1, в которой Карина отправляется в Бразилию. 6
Глава 2. Витория: высота и океан 10
Глава 3. Автостопом по Бразилии: кошмар или приключение? 12
Глава 4. Сальвадор и Ресифи – легендарные города. 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Странники Духа. Зов Пайтити

Введение.

Посвящается всем коренным народам нашей прекрасной матушки-Земли — от седого Урала до огненной Патагонии.

Эта книга — эхо моего пути. Когда-то я мечтала оставить города, взять один рюкзак и отправиться туда, где время замирает: в лабиринты амазонских джунглей, к заснеженным пикам Анд, на поиски следов древних цивилизаций. Без грантов, без поддержки институтов, вопреки логике. И я исполнила эту мечту. Более семи лет странствий — порой без гроша в кармане, без знакомых лиц и знания языков — научили меня главному: всё было не зря.

Путь блогера — не мой путь. Когда месяцами живёшь в диких лесах, без электричества и связи, тишина становится такой глубокой, что сквозь неё начинает просвечивать тайна мироздания. В такие мгновения ты как зритель, а Творение как автор становитесь единым целым. Камеры, снимки и суета видеороликов кажутся лишними, почти кощунственными. Это невозможно передать в «легко усвояемом» цифровом формате.

Я выросла на книгах. Они будоражили моё воображение и гнали в путь. И этот формат близок моей душе. Пусть чтение сегодня — не самое популярное занятие, я не стремлюсь к массовости. Я ищу того единственного читателя, который уловит нотки души Странника Духа. Пусть этот читатель будет всего один — ради него стоит писать.

Я поведаю вам историю. Это рассказ о детской мечте, которой было суждено сбыться. О цене этого исполнения и о пути человека к самому себе. Это не просто хроника джунглей Амазонии, затерянных троп Бразилии и вершин Анд. Это внутреннее странствие через рюкзак, сомнения и борьбу.

События здесь реальны, но облечены в художественную форму. Если бы я рассказала всё это сухим языком фактов от первого лица, мне бы, скорее всего, не поверили. Поэтому я написала роман, а не дневник. Это художественный поиск Пайтити, основанный на моем реальном опыте.

Говорят, Пайтити — это миф. Но что, если миф — это просто правда, которую люди предпочли забыть?

Перед вами не научный отчет и не исследовательская работа, которые мне привычней писать. Это голос того, кто прошел путь и больше не хочет ничего доказывать. Я просто делюсь. Вмещаю прожитое в общую нить сюжета.

А если вы ищете истину — ищите её между строк. Или в шелесте сельвы. Или в песне горного ветра. Или в собственном сердце.

Обычно она ждет там, где её меньше всего надеешься встретить.

Глава 1, в которой Карина отправляется в Бразилию.

Чья-то душа может быть домашней — как тёплые тапочки. Ей хорошо в уюте, рядом с запахом свежих булочек, звуком телевизора после рабочего дня и расписанным планом жизни на 50 лет вперёд.

Но её душа — нет. Её душа была дикой. Свободной. Как джунгли. Как ветер, летающий над вершинами гор.

Карина с детства грезила неведомыми тропами, опасными приключениями и путешествиями в края, где не ступала нога туриста. Сбежать туда, где на картах лишь пятна и надпись «terra incognita». Где на рассвете слышно, как кричит загадочная птица. Где под ногами не асфальт, а тёплая, дышащая земля.

Но вышло иначе.

Сначала — бантики в детском саду и не прыгай, испачкаешься, не ешь землю- она грязная. Потом — школа, таблицы, правила, поощрения за правильно и порицания за неправильно. А дальше — экзамены, дипломы, офис и график работы на год в календаре. Сперва не хочешь вставать, чтоб идти в садик. Затем не хочешь вставать в школу. Затем на работу. И казалось из этого нет выхода. И, конечно, все те добрые советы от людей с потухшими глазами:

«Учись, чтобы стать человеком. Работай. Выйди замуж. Купи квартиру в городе. Так надо. Все так делают.»

И не важно, что ты этого не хочешь. Что уже устала от этой гонки. Главное — соответствовать. Не выделяться. Приносить общественную пользу. Быть как надо. Только непонятно кому надо. И что может служить пользой обществу, чьи стремления не всегда ясны, а порою откровенно разрушительны.

Так Карина погрузилась в эти безвыходные бега. День за днём, год за годом. И совсем забыла, о чём мечтала.

Карина встретила Марата совсем недавно — каких-то пять месяцев назад.

Однажды она проснулась и почувствовала, что больше так не может. Что ее зовет дорога. Что-то неведомое. И она, открыв карту, решила отправится в Сибирь, направляясь к Байкалу, когда наткнулась на этого высокого, худого и чересчур серьезного парня с вечным насморком и хронической аллергией на неизвестно что.

Ей было чуть меньше тридцати — тот самый возраст, когда мир внезапно решает: тебе пора или уже будет поздно.

Пора замуж. Пора родить. Пора стать кем-то понятным — с ипотекой, кастрюлей на плите и чёткой пропиской в паспорте. Занять свою стабильную ячейку.

Ты уже свой последний вагон пропустила, - безапелляционно выдал вердикт её родной дядя - Вот твоя сестра успела заскочить в свои 25 лет Конечно, он имел в виду свою дочь, ставя её в пример по любому случаю.

Карина пожила несколько лет в Штатах, а как известно, жизнь там — да и в Европе — дает совсем иной взгляд на семью. Не то чтобы лучше или хуже. Просто другой. Там можно выйти замуж и в пятьдесят, и женщина без детей не чувствует себя обломком. Поэтому Карина не торопилась, но приехав в Россию, ощутила этот общественный четкий толчок в спину.

Общество в такие моменты не молчит. Оно в виде дяди, соседки, даже незнакомой продавщицы в магазине шепчет, подталкивает, а иногда и откровенно бьет в спину:

— Ну что, долго ещё гулять будешь? Часики тикают, скоро все возможности уйдут!

После учёбы в Штатах Карина вернулась в Россию — не столько по зову сердца, сколько по инерции, как ласточка, что сбилась с маршрута и полетела в родное гнездо.

А через несколько месяцев, ведомая то ли ностальгией, то ли смутным зовом услышать, как ледяная вода Байкала поёт на языке древних гор, она уехала на восток.

Там, в тишине синего озера и под шепот высоких саянских сосен, она и встретила Марата.

На тот момент Марат уже семь лет жил с Людой — союз, где любовь давно уступила место привычке. Где разговоры стали дежурными, как доброе утро и не забудь хлеб. Он выглядел как художник, которого случайно посадили в офис и выдали отчёты вместо кистей. В глазах у него поблескивало нечто — талант, возможно. Или мечта. Забытая в коробке с прошлогодними красками. Он постоянно чихал и шмыгал носом, будто сам организм отказывался мириться с его серой жизнью.

А потом появилась Карина. Свободная, как ветер. Яркая, немного безбашенная.

Он увидел в ней музу. И не только вернулся к творчеству — он решился на большее: расставание с Людой и предложение руки Карине, сердца и каких-то новых, еще не оформленных горизонтов. Карина приняла его предложение но не столько от восторга. Скорее — от ощущения, что «пора».

Возраст и общественное мнение тихо стучали в дверь, напоминая: «время идёт» и когда нормально жить начнешь. И, может быть, стоит начать новую жизнь — хотя бы ради приличия. Хотя бы ради будущих проектов, которые с ним казались возможными.

Плана на собственную жизнь у неё всё равно не было.

А Марат — он казался не идеальным, но пригодным партнером для чего-то большего. Она пробовала найти другое слово. Надёжный? Нет, это про банк. Перспективный? Нет, это про стажёра. Совместимый? Ближе. Но всё равно не то. «Пригодный» — и точка. Как ботинок, что не жмёт. Не мечта о ботинке, а просто — не жмёт. И она надела.

Он говорил о совместных делах, мечтах, планах. Она в них верила. И перед тем как «всё начать всерьёз» — они решили отправиться в путешествие. В грандиозное, дикое, непредсказуемое.

В Бразилию.

***

Утром Карина вышла на балкон дома, где они остановились на несколько дней — прямо у подножия статуи Христа-Искупителя. Внизу проносились автобусы, продавцы кричали что-то быстро и гортанно на португальском, а старик на углу жарил сыр на углях. Воздух был соткан из сотни запахов — пахло морем и фруктами, бензином, манго и горячими лепешками. Какая-то девчушка спала прямо под деревом, нисколько не заботясь о спешащих мимо людях.

Рио-де-Жанейро — город, где встречаются небо и горы, океан и человек, реальность и теленовеллы. Он раскинулся между бирюзовыми водами Атлантики и гранитными склонами, поросшими пышной тропической зеленью. С высоты птичьего полета, с вершины Корковадо, где раскинул объятья Христос, Рио выглядел как акварель — город, написанный солнцем, ветром и временем. Гора Сахарная Голова, как страж, охраняла вход в залив Гуанабара — тот самый, что в январе 1502 года португальцы приняли за устье реки. Так и появилось название: Рио-де-Жанейро — Январская река.

Это город, где монархия однажды жила среди тропиков, столица Португальской империи в изгнании. Где впервые зазвучала самба под балконами колониальных домов. Где на одной улице легко уживаются африканские барабаны, барочные фасады и футуристические стеклянные высотки.

Рио живёт в ритме. И не только карнавала — в ритме самой жизни. Он мерцает теленовеллами, как окна фавел по вечерам — когда загорается свет, и вся Бразилия замирает перед экранами, следя за очередным футбольным матчем либо теленовеллой. Атмосфера сериалов здесь не выдумка, а будни.

Фавелы, разросшиеся на склонах холмов, будто сплетаются с лианами и цветущими кустарниками. А жилые кварталы утопают в зелени, как будто это не архитектура, а случайные прорастания в джунглях.

Они остановились в Ипанеме. Квартира была снята всего на четыре дня — дольше они и не собирались задерживаться. Они собирались увидеть настоящую Бразилию — не глянцевую, не нарисованную в рекламных проспектах, а живую, настоящую, какая есть. Ведь Марат представлял себе настоящую Бразилию из пляжей, самбы и уютных отелей, он не был готов увидеть Бразилию какая есть, как он утверждал. Что же до Карины, она не ждала ничего. И лишь когда ты не имеешь ожиданий, можно увидеть жизнь, какая она есть, как собственно и человека, в ином случае тебя постигнет в той или иной степени разочарование.

После Бразилии молодая пара намеревалась ехать до Эквадора и затем обратно в Россию. Карина в качестве гида, поскольку она знает языки и умеет путешествовать. И на этом должно было закончиться их полтора месяца приключений. Но всё пошло не так, как они себе представляли. И так началось долгое странствие Карины в несколько лет. Но вы сами всё увидете.

Сначала всё и правда было похоже на бразильскую теленовеллу.

Они бродили босиком по утреннему песку Ипанемы, как два героя ускользающей легенды, пили кокосовую воду, и вечерами — под музыку цикад и жар дыхания океана — танцевали или болтали на пустые веселые темы.

Карина смеялась, фотографировалась на фоне закатов, крепко держала Марата за руку — и старалась верить, что вот он, тот самый человек. Что всё наконец складывается.

Но где-то глубоко внутри звенела тонкая, фальшивая нота. Как первый треск каната над пропастью. Она зашивала это сомнение под кожу, прятала его от самой себя. Ведь одной — нельзя. Ведь если ты одна, значит, с тобой что-то не так.

Она открывала дневник и писала: «Внутри — гул. Как расстроенная струна гитары. Мир вокруг правильный, а звук — нет».

Карина гнала это прочь. Прятала. Зашивала под кожу, как пятно на светлой блузке, которое так хочется вывести до идеала.

— Ну что, может, отсюда автостопом? — как-то утром сказала она, глядя на карту. — Это будет настоящее приключение.

Марат фыркнул:

— Это не Европа, Кари. Здесь не будут голосовать с гитарой у обочины.

— Может, и к лучшему, — улыбнулась она. — Здесь, может, как раз и нужно так: рискнуть. Погрузиться. Дать приключению вести нас. Ты же сам говорил — я гид в этом путешествии.

Она и правда была не из тех, кто боится троп. Путешественница с опытом. С нюхом на скрытые тропы и с ушами, настроенными на шепот пути.

Он посмотрел на неё, будто впервые.

Пожал плечами.

— Ладно

И в этом ладно звучала неуверенность, а может — предчувствие.

Что дорога вот-вот начнёт рассказывать им другую историю.

Так началось их путешествие. Без букингов, расписаний и кондиционеров. Только большая дорога, пара рюкзаков — и ощущение, будто путь ведет.

Они стояли у обочины трассы BR-101, где горячий асфальт дрожал в полуденном мареве, а вокруг трещал мир — яркий, шумный, жаркий. Солнце палило в затылок, пыль прилипала к коже, а внутри всё пело: вот оно, настоящее.

Первый, кто остановился, был водитель грузовика — Жуан. Кабина гудела, как улей, а сам он напоминал персонажа из странной сказки: с широкой улыбкой, вислыми усами, ожерельем из деревянных бусин и рубашкой, которая когда-то точно знала, что такое карнавал.

— Прыгайте, путники, — сказал он, будто ждал именно их.

Они забрались в кабину, откуда открывался панорамный вид на мир — холмы, пальмы, редкие домики с бельем, висящим в ветре, и дорога, уходящая в горизонт. Жуан сразу перешёл к неспешному разговору:

— Я родом из Мату-Гросу.

Далее история плавно перешла в то, что он видел два потопа, один военный переворот и влюблялся так, что потом не мог есть неделями.

Он рассказывал так, будто пел. Голос был тёплый, с шорохом прожитого. Между делом он угощал их горячей тапиокой — лепёшками из юки с сыром и кокосом, ещё дымящимися, будто вынутыми из сердца земли.

— Это Бразилия, ребята, — сказал он, хрустя тапиокой. — Если хотите её узнать — садитесь в грузовики. Гиды покажут вам то, что напечатано на туристических листовках. А мы покажем жизнь, как она есть.

Они ехали, и дорога становилась чем-то большим, чем просто путь. Она дышала. Подсказывала. Стирала границы. Карина смотрела в окно и чувствовала, как в ней что-то оттаивает, распускается, сбрасывает старую кожу.

Там, за пыльным стеклом, проносилась настоящая Бразилия — не глянцевая, а живая, как песня в закатной пыли. И ей вдруг стало ясно: Это только начало. Великая дорога ждёт впереди.

Глава 2. Витория: высота и океан

Жуан высадил их на развилке у Витории, помахал широкой ладонью и растворился в мареве асфальта. Карина смотрела вслед грузовику, пока он не стал точкой, потом — ничем. Рюкзак давил на плечи. Солнце давило на всё остальное. Витория встретила их запахом соли и раскалённого камня.

Асфальт под ногами дымился, как свежеиспеченный хлеб. Воздух дрожал, превращая горизонт в зыбкий мираж, а раскаленное до белизны небо висело так низко, что казалось — протяни руку и обожжешься. Карина брела следом за Маратом, и её пятнадцатикилограммовый рюкзак уже не был просто вещью. Он стал частью её скелета, немым учителем выносливости. Каждый шаг был весом в тонну.

В лицо ударил густой, соленый запах Атлантики. Обычно этот аромат обещает счастье, но сегодня он пах усталостью. Карине хотелось только одного: стащить с себя эту вторую кожу из нейлона и пота и провалиться в глубокий сон.

Чайки разрезали небо криками, а внизу, за поворотом улицы, побережье мерцало, как жидкое серебро. Они стояли на обочине, немного потерянные, будто расплавленные сырки на жаре. Думать после долгой дороги и такой жары не только не хотелось, но и казалось невозможным. Карина ждала когда ответят с приложения путешественников (couchserfing) где она зарегистрировалась. В приложении местные жители предлагали путешественникам бесплатный ночлег в своем городе. Обычно то были люди, что сами хотели путешествовать, но не могли.

— Вы, кажется, не местные? — раздался голос.

Перед ними стояла женщина — невысокая и с улыбкой, полной теплоты. Она с любопытством вглядывалась в путешественников. Лусия была похожа на добрую морскую ведьму: кудрявые седые волосы, серьги-ракушки и глаза, в которых светилось странное, почти лихорадочное гостеприимство. Карина, собрав остатки сил, ответила по-португальски. Дружелюбное эхо чужого языка сразу сделало дорогу короче.

— Я Лусия. Мы живем совсем рядом, вон там, — она махнула вверх на небоскребы. - Рады вас принять. А это мой муж Эдвард.

Мужчина растерянно протянул руку, он почти не говорил, но в его задумчивом лице было что-то морское — как у капитана, который видел слишком многое, но вынужден жить на земле.

Квартира в высотке на берегу оказалась порталом в иную реальность. Двадцатый этаж. Панорамные окна, в которых океан не просто виднелся, а царил. Он тянулся до края света, растворяясь в вечности. Волны дышали внизу, как огромное, ленивое животное. Корабли на рейде казались забытыми игрушками в ванной великана.

Но главным чудом был не вид. Главным был поток ледяного воздуха из кондиционера и запотевший стакан лимонада. Душ смыл с Карины дорожную пыль, а вместе с ней — и липкое раздражение на Марата, на жару и на саму себя. Лусия вручила ей парео с бразильским флагом и миску с фруктами. Манго и маракуйя пахли так интенсивно, будто в них сконцентрировали всё солнце Бразилии.

Вечером они поднялись на крышу. Бассейн, парящий над городом, казался миражом. Карина вошла в воду медленно, замирая от восторга. В какой-то момент границы стерлись: прозрачная вода слилась с фиолетовым небом, и ей показалось, что она плывет среди облаков, а где-то далеко внизу, на грешной земле, остались и рюкзаки, и долги, и тесные социальные клетки.

Карина села у стеклянных дверей, ведущих к балкону. Океан шумел где-то внизу — низко, глухо, как голос предков.

Когда взошли звезды, в кухне запахло мятой и имбирем. Лусия резала манго, и сочные ломтики падали на тарелку, как кусочки заката. Марат на балконе жарко доказывал величие своей страны Эдварду. Тот курил трубку, и в его задумчивом взгляде, устремленном в черную пустоту океана, читалась бесконечная усталость.

Карина села у стола, грея ладони о чашку. Всё вокруг было спокойно, будто внутри старой песни.

— Он не всегда был таким, — тихо сказала Лусия, не поднимая глаз. Голос её звучал ровно, почти буднично, но Карина сразу почувствовала: это не просто разговор. Это — сдавленное, как пружина,признание, что вот вот и вырвется.

— Когда я его встретила, — продолжила Лусия, — он был совсем другим. Живым. Горел. Умным, тонким, с огнём внутри. Верил, что сможет менять мир, строить что-то важное, настоящее.

Карина молчала и внимательно слушала.

— Он работал в одной международной компании, — Лусия наливала чай, спокойно, как будто вспоминала чью-то старую биографию, хотя говорила о своем муже. — Сначала был инженером, потом — в управлении, в переговорах. Командировки, бонусы, отчёты, смокинги. А потом — начались решения. Где бурить. Кого слушать. Сколько платить. Как молчать, когда отравленная вода убивает людей в деревнях. Когда джунгли превращаются в пустые карты. Когда исчезают сёла и никто не спрашивает «почему».

Она поставила перед Кариной чашку. Та взяла её обеими руками и отпила не сводя взгляд с хозяйки квартиры.

— Он всё знал, всё видел, — Лусия вздохнула. — И долгое время считал, что так устроен мир. «Ничего не поделаешь», — говорил он. Но в какой-то момент... надломился. Не сразу. Медленно. Почти незаметно.

Она взглянула на Карину, с едва заметной улыбкой — такой, в которой прятались и нежность, и усталость.

— Он начал пить. Сначала — чтобы спать. Потом — чтобы не помнить. А потом просто, потому что в алкоголе легче исчезать. Легче быть никем. Легче не чувствовать.

Из-за стеклянной двери послышался звон бокала и короткий кашель. Кто-то на балконе тихо засмеялся .

— Я пригласила вас, — сказала Лусия почти шёпотом, — потому что во мне тлеется надежда, что это может его оживить. И ты - так похоже на меня! Когда я ещё танцевала босиком. Когда он ещё смотрел на меня, как будто мы вместе можем всё.

Иногда, чтобы дом снова начал дышать, в него нужно впустить чью-то другую жизнь. Пусть даже на одну ночь. На один разговор. На одно воспоминание о том, кем мы были, пока ещё верили.

Она поправила выбившуюся прядь, как будто закрыла последнюю страницу письма, которое давно писала внутри себя.

Карина не нашла, что сказать. Она только кивнула. Ей часто открывали душу совершенно незнакомые люди, делились самыми потаенными секретами и страхами И она не понимала что с этим делать, поэтому лишь слушала.

А за окном шептал тихо океан. То ли хотел кого-то простить, то ли укачать.

Дорога звала на север. Витория осталась позади — город прекрасных видов и разбитых сердец.

Океан там всё так же бился о берег.А Эдвард, наверное, всё так же сидел на балконе.

Ведь можно подняться на двадцатый этаж, но так и не спастись от самого себя.

Глава 3. Автостопом по Бразилии: кошмар или приключение?

Минас-Жерайс — зеленое, пульсирующее сердце Бразилии. Это не та страна, которую печатают на глянцевых открытках. Здесь джунгли не позируют для фото — они дышат тебе в затылок влажным, тяжелым воздухом, наполненным криками птиц, у которых нет названий в твоем лексиконе.

Грузовик, покрытый слоем пыли и птичьим пометом, оставил их на безымянном перекрёстке. Уже вечерело. За спиной осталась Витория с её панорамными окнами, впереди — изумрудный океан зарослей. У обочины умирал заброшенный ларек: облупившаяся краска и ржавый замок на двери. Тишина здесь была обманчивой. Она была плотной, как кисель, и живой — наполненной треском лиан и чьим-то невидимым присутствием.

— Смотри, вон у того дерева можно поставить палатку, — сказала Карина. Корни у него были широкие, будто ладони великана, протянувшиеся прямо из земли. — Дотянем до утра.

Марат ничего не сказал. Пожал плечами. Весь день он был будто в тумане — отрешенный, как будто тело его здесь, а душа уже отступила.

Карина взглянула на своего напарника, тяжело вздохнула и всё сделала сама. Палатка — на автомате. Рюкзак — под голову. Вода рядом. Звук фонарика — щёлк. И уже темнота. В джунглях темнота не наступает — она обрушивается, стирая границы между миром и воображением.

Она уснула быстро — будто упала в этот сон, как в реку. А потом — проснулась. Не от звуков, а от сбивчивого дыхания.

Марат сидел у входа. Обняв колени. Он весь дрожал. Лицо было белое, губы сжаты, взгляд застыл.

— Ты не спал? — спросила она, зевая.

Молчание.

— Что случилось?

— Здесь — прошептал он. — Здесь джунгли Я слышал шаги. Там кто-то ходил. Крики. Стрекотание

— Марат, это ящерицы, — мягко перебила она. — И ветер. Может обезьяны. Всё нормально.

Он посмотрел на неё, будто впервые.

— Ты не понимаешь — голос его сорвался. — Это не та Бразилия, которую я себе представлял! Не красивые пляжи, не хостелы, не автобусы с кондиционерами. Это не свобода! Это... кошмар! Это худшее, что я чувствовал в жизни!

Карина смотрела на него и вдруг поняла.

Он не готов. Ни к этим джунглям. Ни к Бразилии. Ни к настоящему путешествию. Ведь это одно дело - поехать как турист с билетами туда- обратно, четким планом и адресами отелей. И нежиться в удобных номерах с сервисом всё включено. И совсем другое - отправиться в настоящее путешествие, где не знаешь, что тебя ждет и когда оно закончится.

— Ты всегда боишься неизвестного? — спросила она тихо. — Или только когда рядом нет кровати и вай-фая?

— А ты всегда такая дикая? — огрызнулся он.

— Только когда сплю в палатках. В городе я вполне домашняя — пью кофе с молоком, наблюдаю за курсом доллара и не отвечаю на звонки с незнакомых номеров. Но как только исчезает вай-фай — просыпается ведьма. Так что держись.

Шутка повисла в тяжелом воздухе. Марат не смеялся. Он переживал свой личный апокалипсис.

Утро принесло свет и мотоцикл.

Он вынырнул из-за поворота, как призрак из сна. Продавец — парень лет сорока, в шлеме и с пакетом под мышкой — подъехал, снял замок с ларька, отворил дверь.

— Бом джиа, — сказал он.

Марат первым подошёл и попросил три бутылки пива и пачку сигарет. Это был настоящий подвиг: он впервые заговорил с продавцом сам, без привычного «Карин, скажи ему... Видимо, кризис активировал в нем инстинкты выживания.

Он пил пиво одну бутылку за другой прямо у обочины, с видом героя, выжившего в ядерной зиме.

— Не рано ли для анестезии? — спросила Карина. — Мы ведь только в начале пути.

Марат лишь хмыкнул.

— Карин слышь, дай мне хоть немного расслабиться и так не спал. - и с этим он закурил вторую сигарету.

Карина отвернулась и села у дороги, подложив под спину рюкзак. Она ни разу не видела его таким, не знала, что он курит и пьет. И тут как вспышка в уме промелькнула картина их будущей жизни . Вот Карина руководит делами и ставит палатки жизни , а он пьет и спивается. Карина встряхнула головой, гоня от себя видение.

Тут от дороги взвилась красная пыль земли - ехал грузовик, девушка сразу же вскочила и начала активно махать руками и улыбаться, шофер широко улыбался и мило помахал путешественникам рукой. И проехал мимо, обдав их облаком пыли еще и посигналил на прощание...

«Улыбаемся и машем, твою... » - топнула ногой Карина.

На третьем часу кончилась вода. На четвёртом — терпение. На пятом Карина съела последний крекер, разделив его на три части: одну съела сразу, вторую — через полчаса, третью держала в кармане как талисман. Марат к тому времени уже не разговаривал. Он просто сидел, обняв колени, и смотрел на дорогу с видом человека, переосмысляющего все свои жизненные решения.

Так они провели у дороги в джунглях семь часов. Машины проезжали мимо, но никто не останавливался. А им нужно было добраться до города Сальвадора. Карина вытащила свой дневник и начала писать. Он был слегка потрепанный, с уголками страниц, завернутыми от влаги, и обложкой, на которой когда-то было нарисовано золотое перо, стершееся от частых прикосновений.

Дневник еще с детства был для неё лучшим другом и компанией в жизни. С ним можно было быть честной до боли — не подбирать слов, не играть сильную, выкладывать всё как есть. А также запечатлеть моменты волшебства жизни Слова ложились на бумагу, как ниточка внутренней ясности, распутывая то, что в голове спутано, как лес после шторма.

Иногда ей казалось, что именно дневник удерживал её на плаву в странствиях жизни. В мире, где всё меняется — города, люди, языки, маршруты — у неё всегда оставался этот маленький остров стабильности.

Легче найти мужа, чем спутника для пути. Прежде чем кляться в вечной любви, нужно отправиться в опасное путешествие. Ничто так не обнажает нутро, как отсутствие сценария. Вне уютных отелей люди сбрасывают маски, и под ними иногда оказывается пустота.

Продавец из ларька, подмигивая, начал рассказывать Карине на португальском страшные истории: про бандитов, которые похищают туристов, убивают и режут на органы.

- А что он говорит? - вдруг спросил Марат, нарушив многочасовое молчание.

- Да ничего особенного, говорит, что машины редко ездят и нужно ждать с терпением. - ответила Карина.

- А мне показалось он сказал matar - убить.

- Э.. это такое образное словосочетание, как убить время.

Карина давно привыкла к этим запугивающим байкам. Она не собиралась переводить их Марату — зачем множить его и без того разросшийся до небес страх? Ей всегда приходилось иметь дело с этим хором голосов. Не важно, шла ли речь о странах, где она никогда не бывала, или о местах, ставших ей домом — репертуар оставался неизменным: «Слишком опасно», «Тебя убьют», «Ты пропадешь».

Это говорили родители, друзья, случайные знакомые — люди, которые, не выходя за порог своего маленького, обжитого мира, точно знали, что «там» всё устроено враждебно. Они бережно коллекционировали чужие ужасы, чтобы оправдать собственную неподвижность.

Все эти предостережения были похожи на липкую паутину, натянутую между окнами: её почти не видно, но она мешает смотреть на мир.

Карина научилась проходить сквозь неё, не замедляя шага. Она слушала, кивала, но шла своим путём. Она не бежала от страхов — они просто не находили двери в её сердце. Её не интересовало «как принято» или «что говорят». Карина хотела знать, как всё устроено на самом деле — на ощупь, на вкус, собственной кожей. Для неё жизнь была не теорией, которую обсуждают на кухнях, а практикой, которую постигают только в движении.

Солнце коснулось верхушек пальм, когда из марева выплыл старый «Хилюкс». — До Сальвадора? — крикнули из кабины. — Да! — Карина запрыгнула в кузов, даже не взглянув на Марата.

Ветер ударил в лицо, как пощечина, пробуждая к жизни. Пыль кружилась в волосах, всё вокруг пульсировало и пело. Карина чувствовала, как внутри неё кто-то стряхивает пыль с забытой мечты. Кто-то в этом хаосе впадал в панику, а в ней вспыхивало доверие к миру.

Туристы идут по проложенному маршруту. Путешественники отправляются туда, где нет гарантий. Туда, где дорога сама решает, куда тебя вести: в тишину храма или в эпицентр шторма.

Они мчали по ухабам, Марат угрюмо молчал в углу кузова, а впереди уже мерцал Сальвадор — город, о котором Карина грезила столько лет.

Глава 4. Сальвадор и Ресифи – легендарные города.

Сальвадор — это не просто город в провинции Баия. Это Африка, заново проросшая сквозь бразильскую землю, мощная и неукротимая. Здесь прошлое не пылится в музеях — оно выходит навстречу с первым порывом соленого ветра, пахнущего пальмовым маслом и сладким дымом уличных жаровен.

В старых кварталах Пелуринью время остановилось. По неровным камням мостовой плывут темнокожие женщины в ослепительно белых одеждах. Их широкие юбки колышутся, как морская пена, а яркие тюрбаны возвышаются над толпой, словно короны древних королев. В их ушах тихо звенит золото, а в глазах — память о берегах, где по ночам разговаривают африканские барабаны.

Карина остановилась у стола. На мгновение ей показалось, что маленькая фигурка Эшу смотрит прямо на неё — чуть насмешливо, будто знает больше, чем готов рассказать. Черная женщина в ярком платье заметила её взгляд:

«Он знает, откуда ты пришла, — негромко произнесла она, и ее голос прозвучал как шелест камыша. — И знает, куда ты идешь. В Сальвадоре никто не одинок, детка. Здесь за твоей спиной всегда стоят предки».

В этот момент где-то в глубине улицы ударил барабан — один, затем второй. Ритм пошёл по камням, по стенам домов, по телу, словно пульс города. Карина почувствовала, как горячее солнце жжёт плечи, как ветер приносит запах океана и специй, и вдруг ей стало ясно: Сальвадор — это не просто точка на карте. Это трещина в пространстве, где два мира проросли друг в друга так крепко, что не разорвать. В этом Южноамериканском городе дух Африки живёт в каждом камне, в каждом взгляде и в каждом ударе барабана. Всё здесь дышит другим континентом.

Но нужно было продолжать путь.

Сальвадор остался позади ярким пятном, пахнущим акараже и океанической солью. Но Бразилия — это бесконечное полотно, которое меняет цвета, стоит только отъехать на пару сотен километров. Пока грузовики, сменяя друг друга, несли их на север в сторону Ресифи, знойный ритм барабанов постепенно затихал, уступая место монотонному шуму шин по раскаленному асфальту. Пейзаж за окном становился строже, а воздух — тяжелее. Ресифи встретил их не танцами, а суровыми стенами старых укреплений, которые выросли на горизонте, словно тени забытых конкистадоров.

Следующий грузовик оставил их возле Ресифи. На холме стояли стены средневековой крепости, что очень манили Карину. И закинув вещи в номер отеля, пара отправилась туда. Крепость, вернее католический древний монастырь, построенный конкистадорами не был столь полон посетителями. На развилке каких-то коридоров Карина потеряла Марата из виду и решила свернуть в левый коридор.

Шаги Карины отдавались гулко, словно она ступала не просто по камню, а по памяти самого места. Камни были гладкие, как отполированные веками ладони, а стены — будто вобрали в себя стоны, молитвы и крики.

В воздухе дрожало что-то неуловимое. Не звук, не запах, а ощущение. Казалось, за ближайшей колонной всё ещё звучала латынь и глухо отдавались барабаны. Крестов почти не осталось, но дух религии чувствовался повсюду. Он не утешал. Он давил, будто бог, которого сюда когда-то привезли с другого берега, не прощал и не жалел.

Своды тянулись вверх, как будто хотели выбраться из этого мрака, но свет давно ушёл. Карина медленно провела рукой по стене. Камень под пальцами был не просто холодным — он был колючим от застывшей в нем ярости. Карина закрыла глаза, и на мгновение ей показалось, что из-под штукатурки проступает не плесень, а темные пятна старой крови, которую

не смогли отмыть никакие святые молитвы. Во имя этого бога, пришедшие проповедовали любовь, прощение и милосердие, проливая кровь всех тех, кто не принимал проповедь. Камни были свидетелями и сохранили её на века.

Она почти уже собиралась уходить, когда услышала шаги. Внезапно тишину разрезали голоса. Карина инстинктивно нырнула в тень за полуразрушенную колонну. Два силуэта остановились в пролете арки. Мужчины. Одеты просто, но не по местному.

— Ты уверен, что фрагмент здесь? — спросил один на испанском.

— Он говорил, что это часть карты. Символы совпадают. Он нашёл её в Ла-Консепсьон, в алтаре. — Значит, Пайтити — не легенда. — Он говорит, это не просто город. Это ключ. Если всё верно, нам осталось найти только восточный фрагмент. Он может быть здесь, под часовней.

Карина замерла. Пайтити. Сердце затрепетало. Это слово звучало очень необычно. И будто звало ее.

— Мы должны это достать, — сказал один из мужчин. — Надо добраться до камня под алтарем.

Они двинулись дальше, и вскоре тишина вновь заполнила пространство.

Карина вышла из тени медленно, будто сама теперь стала частью загадки. Сердце било в ритме барабанов, которых уже не было. Её пальцы невольно сжали ремешок рюкзака. Она не знала, чем это закончится, но точно знала одно — уйти было уже невозможно. И она пошла искать алтарь. Она была не их тех, кто стоя на пороге тайны и открытия, может равнодушно отвернуться.

Внутри крепости становилось всё тише, будто камень сам впитывал звуки. Карина шла наугад, интуитивно, словно тянулась к какому-то старому импульсу, давно забытым тропам памяти. Крыло, где когда-то располагалась монастырская часть, было почти полностью заброшено. Двери скрипели, стены были затянуты плесенью, кое-где под потолком висели остатки паутины. Цепь. Тонкая, ржавая, но натянутая не просто так.«Закрыто для посетителей».Карина оглянулась. Тишина. Если её поймают — объяснять будет нечем. Она сглотнула и медленно перешагнула цепь.

Её сердце бешено колотилось, но вместе с этим она не могла остановиться. Неосвещенный проход вел в круглую капеллу. Свет падал только сверху, из единственного отверстия в куполе.

Посреди зала стоял алтарь. Старый. Каменный. Осыпавшийся по краям. Покрытый пылью и сломанными свечами. Его почти не было видно за железной цепью, натянутой в полукруге, будто место долго и тщательно охранялось от слишком любопытных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.